

Славяноведение, 2023, № 4, с. 91–108

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 4, pp. 91–108

DOI: 10.31857/S0869544X0027118-2

Оригинальная статья / Original Article

Центральная Европа как миф и модель в текстах Чеслава Милоша, Милана Кундеры и Данило Киша

© 2023 г. Д.К. Поляков

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

vbnz2005@yandex.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 22-18-00365 «Семиотические модели в кросскультурном пространстве:
Balcano-Balto-Slavica», <https://rscf.ru/project/22-18-00365/>.

Аннотация. В статье анализируются содержание и структура моделей пространства, построенных в текстах основных представителей дискурса о Центральной Европе 1980-х годов – М. Кундеры, Ч. Милоша и Д. Киша. Его идентификация производится на двух осях – географической (в отношении, прежде всего, к Западу и России) и временной (Центральная Европа как факт скорее прошлого, чем настоящего), а также через фигуру субъекта пространства (им признается интеллеktуал, часто эмигрант и диссидент, носитель культуры и травматического опыта всей Центральной Европы) и атрибуты – это неопределенность, утрачиваемые мультикультурность и многоязычие, недоверие к истории, культуроцентризм. Несмотря на схожесть коммуникативной ситуации и используемых кодов, в концепции каждого писателя есть ряд ключевых отличий, связанных с их национальной и культурной принадлежностью.

Ключевые слова: Центральная Европа, дискурс о Центральной Европе, Ч. Милош, М. Кундера, Д. Киш, пограничье, модель пространства.

Ссылка для цитирования: Поляков Д.К. Центральная Европа как миф и модель в текстах Чеслава Милоша, Милана Кундеры и Данило Киша // *Славяноведение*. 2023. № 4. С. 91–108. DOI: 10.31857/S0869544X0027118-2

Central Europe as a Myth and a Model in the Texts of Czesław Miłosz, Milan Kundera and Danilo Kiš

© 2023. Dmitry K. Polyakov

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

vbnz2005@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the content and structure of space models built in the texts of the main representatives of the discourse on Central Europe in the 1980s – Milan Kundera, Czesław Miłosz and Danilo Kiš. It is modeled on two axes – geographical (primarily in relation to the West and Russia) and temporal (Central Europe as a fact of the past rather than the present). The subject of space is recognized as an intellectual, often an emigrant and a dissident, a bearer of culture and traumatic experience of Central Europe. Its main attributes are the indefinability of borders, the loss of multiculturalism and multilingualism, distrust of history, and cultural centrism. Despite the similarity of the communicative situation and the codes used, the concepts of each writer have a number of key differences related to their national and cultural affiliation.

Keywords: Central Europe, discourse about Central Europe, Cz. Miłosz, M. Kundera, D. Kiš, borderland, space model.

For citation: *Dmitry K. Polyakov. Central Europe as a Myth and a Model in the Texts of Czesław Miłosz, Milan Kundera and Danilo Kiš // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2023. No 4. P. 91–108. DOI: 10.31857/S0869544X0027118-2*

Введение

Во второй половине 1970-х – начале 1980-х годов в западном гуманитарном и, шире, общественном пространстве складывается так называемый «дискурс о Центральной Европе», создававшийся «интеллектуалами, которые в максимальной степени ориентировались на интеграцию в Европу, а также диссидентами Восточной Европы, стремившимися в политическом и культурном плане не смешивать восточноевропейский регион, с одной стороны, и Советский Союз вкпе с установленными им “социалистическими” режимами – с другой» [Дубин 2002, 55]. Находясь в оппозиции к этим режимам, они сформулировали для европейских наций и государств, включенных в сферу советского влияния, идею альтернативной общности. Эта общность имела «историко-географический» характер, а идея базировалась на близости исторических и культурных судеб малых народов, издревле входивших в *Pax Latina* – в состав Священной Римской, затем Австрийской и Австро-Венгерской империй, но после Второй мировой войны оказавшихся «на Востоке». Эта часть западной культуры, искусственно отделенная железным занавесом, и рассматривалась как «Центральная Европа».

Происхождение, национальные разновидности, развитие и угасание дискурса о Центральной Европе того времени анализируются в многочисленных исследованиях – исторических, социально-политических, культурологических¹; не меньшее внимание уделяется разным аспектам «центральноевропейской поэтики» – специфическим чертам художественных текстов, созданных писателями-центральноевропейцами [Bílek 2007; Brodacka 2019; Janiec-Nyitrai, Nyitrai 2017; Zelenka 2008]. Наша же цель – реконструировать «Центральную Европу» как знаковую систему, представленную в текстах трех писателей – ключевых участников дискуссий 1980-х годов – Чеслава Милоша, Милана Кундеры и Данило Киша, рассмотреть, как эти авторы м о д е л и р у ю т «свое» пространство и, соответственно, формулируют набор ценностей и создают канон этого ареала.

¹ Количество подобных исследований, начиная с 1980-х годов, так велико, что буквально не поддается подсчету. См. хотя бы недавние работы [Brodacka 2019; Brix, Busek 2018; Dhand 2018; Labov 2019; Stobiecki 2020; Moskalewicz, Przybylski 2018], в каждой из которых приведена обширная библиография по теме.

Все три писателя являлись основными творцами дискурса о Центральной Европе 1980-х годов². Он объединял многих оппозиционно настроенных интеллектуалов того времени, а центральноевропейские концепции обсуждались на конференциях и в печати (подробнее см. [Trávníček 2009, 274–283]); тексты всех троих писателей являлись «объектами коммуникации между культурами и континентами»³ [Grigorova 2020, 39], в них обнаруживаются не только внутренние связи, но и непосредственные взаимные цитаты. Кундера в своей ключевой работе «Трагедия Центральной Европы» цитирует сборник Милоша «Родная Европа» и упоминает «своего большого друга, прекрасного романиста» Киша [Кундера 1985, 175, 180]; в свою очередь, многие тексты тех лет, среди которых и программные «Вариации на центральноевропейские темы» Киша, возникнут как ответы на тезисы Кундеры. Признавая его роль в дискуссии, Киш отметит, что пробуждение культурного сознания, начавшееся «в Западной Европе, а затем постепенно и в странах Центральной Европы, находящихся под властью коммунизма, [...] является заслугой писателей-эмигрантов, таких как Милан Кундера, живущий сейчас в Париже» [Kiš 1989, 779]. С мыслями Кундеры о «силе и энергии» литератур Центральной Европы соглашался Ч. Милош [Miłosz 1986, 11] и т.д.

Безусловно, проиллюстрировать дискурс о Центральной Европе 1980-х годов можно и текстами других авторов, эмигрировавших или оставшихся на родине – так, например, делает Т.Г. Эш, рассматривая политическую эссеистику поляка А. Михника, венгра Д. Конрада и чеха В. Гавела⁴ [Ash 1989, 181]. Для нас же определяющим фактором является не только авторитет выбранных нами писателей в интеллектуальной среде и, следовательно, их важная роль в «мифологизации Центральной Европы» [Grigorova 2020, 39], подробнее – там же), но и то, что именно Милош, Кундера и Киш – представители разных частей одновременно центральноевропейского и славянского ареалов: от Литвы и Речи Посполитой (Милош) к Чехии (Кундера) до Балкан (Киш). Увязывать поэтику писателя лишь с его национальной принадлежностью едва ли возможно, однако именно мемуарная или полемическая эссеистика хорошо отражает известную максиму, повторенную в том числе С. Зонтаг (заметьте, именно в эссе о Данило Кише): «география – это судьба» [Зонтаг 1995]. Охотно к географическим мотивировкам прибегают и сами писатели: Ч. Милош прямо объясняет собственный интерес, например, к Достоевскому пространственной близостью России и русской культуры: он «в значительной степени является следствием географии» [Милош 2013, 10]; Кундера же, наоборот, полемически заявляет: «Моя тема – не Россия, и я не намерен разбираться в ее сложных хитросплетениях, которые, к тому же, мне не слишком хорошо известны» [Кундера 1985, 174], также связывая это с географической удаленностью чехов от русских, отсутствием непосредственных контактов между ними.

² Схожесть их точек зрения в рассматриваемом вопросе, например, бегло отметил Р. Стобецкий [Стобецкий 2019, 65], а М. Григорова посвятила им отдельное исследование [Grigorova 2020].

³ Прежде всего между Европой и Америкой: напомним, М. Кундера был в эмиграции в Париже, Д. Киш преподавал во Франции, Ч. Милош жил и работал в США; там же с 1981 г. выходил важнейший центральноевропейский журнал *Cross Currents* – также под редакцией эмигранта Л. Матейки. О «Трансатлантической Центральной Европе» в этом смысле говорит Д. Лабов в одноименной монографии [Labov 2019].

⁴ Возможны и другие «комбинации»: например, М. Тодорова в своей классической работе «Воображая Балканы» рассматривает тексты Ч. Милоша, М. Кундеры и венгерского историка Е. Сюча [Todorova 2009, 141].

Резонно предположить, что модели Центральной Европы, сконструированные в текстах, отражают не только индивидуальное начало и точку зрения каждого писателя, но и константы, характерные для соответствующих частей центральноевропейского пространства⁵. Это предположение ниже будет обосновано.

Концепции Центральной Европы в текстах и дискуссиях 1980-х годов с самого начала представляли ее в «идеализированном» виде. Именно их модельность и обусловленный ею «аисторизм», пренебрежение «неудобными» историческими фактами вызывали и продолжают вызывать критику, разоблачающую соответствующий «миф» — прежде всего в его радикальной интерпретации, принадлежащей М. Кундере (см. особенно [Миллер 2001; Нойманн 2004]). Нам же важна не истинность/ложность или верифицируемость представленных построений, но средства их создания, их структура и содержание. Добавим, что и сами акторы дискурса о Центральной Европе — иначе говоря, носители соответствующего кода — сознавали, что описывают не только (или не столько) реальный феномен, сколько имеющую ряд вариаций утопическую⁶ модель идеального пространства: уже, например, Киш прямо называл эту Центральную Европу «культурным и литературным мифом» [Kiš 1989, 779], а Милош видел в ней «акт веры, проект и даже, можно сказать, утопию» [Miłosz 1986, 10].

Корпус текстов и критерии их выбора

Мы рассматриваем тексты, в которых центральноевропейские идеи формулируются эксплицитно, а соответствующее пространство осмысливается «как понятие и как проблема» (воспользуемся заголовком антологии под редакцией И. Травничека [Trávníček 2009]), т. е. мы рассматриваем прежде всего эссеистику или публицистику 1980-х годов⁷. У Ч. Милоша это книга «Свидетельство поэзии» (*Świadectwo poezji. Szczęść wykładów o dotkliwościach naszego wieku*, 1983), представляющая собой записи лекций, прочитанных студентам Гарвардского университета после получения поэтом Нобелевской премии в 1980 г. [Милош 2013], и статьи, публиковавшиеся в *Cross Currents* [Milosz 1986] и в парижской «Культуре» [Miłosz 1986]. Среди многочисленных текстов Кундера выделяется полемическое эссе «Похищенный Запад, или Трагедия Центральной Европы» (*Un Occident kidnappé ou la tragédie de l'Europe centrale*, 1983) [Кундера 1985], вызвавшее небывалый резонанс и масштабную дискуссию, с которой и начался расцвет дискурса о Центральной Европе в 1980-е; интересны и его же более раннее «Предисловие к вариации» (*Introduction à une variation*, 1981) [Кундера 1985] и сборник «Искусство романа» (*L'art du roman*, 1986) [Кундера 2013b]. «Центральноевропейская» эссеистика Киша, скончавшегося в 1989 г. и, соответственно, не успевшего оценить изменения региона после краха социалистической системы, скромнее количественно, но не содержательно; важнейшим текстом здесь являются его «Вариации на центральноевропейские темы»

⁵ Ср.: «Карта Центральной Европы всегда вызывала споры и сомнения, ее границы Чеслав Милош отмечал наличием средневековой, ренессансной и барочной архитектуры, Милан Кундера — особой духовной культурой, Йозеф Кроутвор — запахом капусты и выветрившегося пива, Юрий Андрухович — запахом руин, Анджей Стасюк — деградировавшим ландшафтом свалки, а Роберт Маклович недавно — территорией распространения кнедликов, гуляша, штруделя и торта Пишингера. Эти различные имагинарные географии подтверждают не только то, что литературная картография есть всегда продукт воображения, но также и то, что она всегда создается с определенного места на карте и с определенной позиции» [Rybicka 2012, 21–22].

⁶ И в той же степени ностальгическую [Глостанова 2004; Trávníček 2009].

⁷ А также тексты некоторых писем, интервью и публичных выступлений, например, [Милош, Венцлова 2001; Gorczyńska (Czarnecka) 1992; Kiš 1989; Miłosz 1995].

(*Varijacije na srednjoevropske teme*, 1986) и опубликованный после смерти автора отрывок из них же, не вошедший в окончательный вариант эссе [Kiš 2012].

Хотя ключевыми для дискурса о Центральной Европе стали 1980-е годы, возможно и необходимо обращаться также к текстам другого времени, например, к книге Милоша «Родная Европа» (*Rodzinna Europa*) [Милош 2011b], изданной в Париже в 1958 г. Совпадая с каноническими текстами дискурса 1980-х адресацией и прагматикой («центрально(–восточно)европеец-эмигрант рассказывает западноевропейцам о “своей Европе”, географически и ментально далекой от них»), она во многом предвосхитила их появление. Привлекаем мы и более поздние тексты, например, сборники Кундеры «Занавес» (*Le rideau*, 2005) [Кундера 2010] и «Встреча» (*Une rencontre*, 2009) [Кундера 2013a], лишенные политической ангажированности его прежних эссе, однако содержательно близкие к ним, или книгу Милоша «Поиск отчизны» (*Szukanie ojczyzny*, 1991) [Милош 2011a].

В поисках Центра: идентификация пространства

Хотя писатели и говорят о Центральной Европе как об «акте веры», утопическом пространстве, имеющем лишь воображаемые границы, которые к тому же «бессмысленно пытаться [...] очертить» [Кундера 1985, 178] из-за их изменчивости и зависимости от исторической ситуации, географическая локализация ареала в их текстах все равно присутствует. Упор на воображаемый характер предлагаемой модели все же сочетается с пространственными маркерами («восточная граница Запада» [Там же, 173, 175], «совокупность малых наций, территориально расположенных между двумя державами, Россией и Германией» [Кундера 2010, 70], после Первой мировой войны – «регион маленьких слабых государств» [Кундера 1985, 176]).

Границы этого пространства «неопределенны и зыбки» [Кундера 2013b, 173], очертить их «нелегко» [Miłosz 1986, 4], а само оно аморфно, не связано отношениями центра и периферии. Как гласит известное начало «Вариаций» Киша, «без ясных границ, без Центра или с несколькими центрами, “Центральная Европа” сегодня все больше похожа на того дракона с Альки из второй книги “Острова пингвинов” Анатоля Франса [...]: никто из тех, кто утверждал, что его видел, не мог сказать, как он выглядит» [Kiš 2012, 125].

Локализация Центральной Европы в пространстве проводится с помощью ряда устойчивых приемов. Это противопоставление Востоку, т.е. России («Восток – это другие» [Трѣбст 2015]); сосредоточение внимания на судьбе наиболее страдающих и непокорных, т.е. наиболее активно сопротивлявшихся советскому доминированию во второй половине XX в. народов (чехи, венгры и поляки); внимание к схожим культурным традициям региона, от архитектурных до литературных; апелляция к чувствам его обитателей, их сознанию общности («чувств и мыслей ее жителей должно хватить, чтобы нарисовать ментальные границы, которые кажутся более прочными, чем границы государств» [Miłosz 1986, 4]).

Характерно, что наиболее четко суть Центральной Европы как части Запада, по воле Истории оказавшейся на Востоке, но максимально чуждой ему онтологически, формулирует именно чех М. Кундера, далекий от границы с «восточной», православно-византийской культурой. Согласно ему, народы центральноевропейского ареала «ощущают перемену, происшедшую в их судьбе после 1945 г., не только как политическую катастрофу, но и как нападение на их цивилизацию. Глубочайший смысл их сопротивления заключается в борьбе за сохранение своей сущности или, говоря иными словами, за сохранение

своей принадлежности к западному миру» [Кундера 1985, 176]. Таким образом, Центр для Кундеры — особая часть Запада, наделенная своей пассионарностью («архи-Европа» [Там же, 173]) и обладающая самостоятельной аксиологической значимостью — тем большей, чем более катастрофические события ей приходится переживать.

Следовательно, Центральная Европа идентифицируется в первую очередь через жесткое противопоставление Другому, которое имеет не только политический, но и цивилизационный характер. Писатель сознательно обостряет контрасты между Центральной Европой и Россией, видя в них извечную, онтологическую противоположность, проявляющуюся в национальном характере, ландшафте, культуре: в России «иначе смеются, живут и умирают» [Там же, 175]. Поэтому в его тексте нет места периферийным и смешанным частям пространства, пограничью и гибридным культурам, возникающим на таких участках, а также тем его несомненным частям, которые не попали под советский контроль (южнославянские земли бывшей Австро-Венгрии).

Симптоматично, что к теме Центральной Европы Кундера подходит именно после драматических событий 1968 г., когда, как он писал позже, «мы увидели, как нас поглощает другая цивилизация» [Кундера 2013а, 99]. Тема малого народа в центре Европы, ведущего борьбу за само свое существование, оказывается главной в статье того же года «Чешская участь» (*Český úděl* [Kundera 1968]; подробнее см. [Kubiček 2013, 96–104]). Кундера уже тогда формулирует идею особенной роли малых народов в мире. Именно они, отстаивая собственную идентичность, призваны противостоять унификации, навязываемой империями. Воплощением такого малого народа с собственной особой миссией и являются чехи. Писатель здесь продолжает «дискуссию о центре», которые чешские интеллектуалы вели еще в начале XIX в. Как подчеркивал В. Мацура, исследовавший чешскую культуру этого периода, центр является семиотически маркированным пространством, и его мифологизация была характерна для идеологов национального возрождения: эмблема «центра» в те времена подчеркивала положительные «чешские» качества и служила «аргументом в пользу их уникальности» [Macura 1997, 20].

В эссе 1983 г. Кундера задается вопросом, «что же значит Европа для венгра, чеха, поляка» [Кундера 1995, 171] и тем самым локализует в центре пространства именно эти народы, не раз выступавшие против диктата СССР (а значит, по Кундере, и России, т.е. Востока). Триада «Польша, Чехословакия и Венгрия» возникает и позже: именно волнения в этих странах годы спустя было охарактеризовано им как «золотая гирлянда возмущений, которые в течение сорока лет подтачивали восточную империю» [Кундера 2010, 74]. Кундера, таким образом, исповедует не исторический, но «историко-политический» подход к региону, напоминая, что «Центральная Европа — не государство, а культура, судьба» [Кундера 1985, 178].

Те же народы занимают и Ч. Милоша, рассуждающего об истории «чехов, венгров или поляков» [Miłosz 1986, 10] (это будет одна из констант политизированного дискурса 1980-х годов), хотя собственный «уголок Европы» для писателя локализуется восточнее, в исторической Литве, вокруг Вильно — города, который обусловил самоидентификацию поэта и тема которого постоянно появлялась в его текстах [Милош 2011а, 204–229; Милош 2011b, 57–69; Милош, Венцлова 2001]. Специфика «своего» пространства, явленного в эссеистике Милоша, заключается, наоборот, именно в пограничности: «Я родился на самой границе Рима и Византии» [Милош 2013, 8]. В сборнике 1958 г.

«Родная Европа» он регулярно характеризует себя как «восточноевропейца», причем едва ли это дань принятому тогда бинарному членению Европы. В текстах 1980-х годов, особенно англоязычных, «Восточная» Европа становится «Центрально-Восточной»⁸, однако Восток для Милоша — это по-прежнему не далекий Другой, как для Кундеры, это и собственная локализация, и особый «менталитет людей Пограничья» [Милош 2011а, 204].

В «Вариациях» Киша границы ареала расплывчаты и едва ли определимы. В то же время обращенность эссе в прошлое, многократные упоминания Австро-Венгрии, обсуждение многих культур и их представителей, в том числе и южных славян — хорватов и словенцев (Музиль, Кафка, Барток, Ади, Кундера, Кусьневич, Рожанц и др.), — все это позволяет предположить, что границы Центральной Европы совпадают для писателя с границами бывшей Империи. При этом иногда его взгляд устремляется и за рамки Австро-Венгрии: в одной из вариаций упоминается сербская культура, воспринимавшая западные влияния через Россию [Kiš 2012, 134]. Иначе и невозможно, поскольку и личная, и художественная идентичность Киша — сына венгерского еврея и черногорки, выросшего в столице многонациональной Югославии, априори базировалась на смешанности и пограничности.

Как видно, в текстах Милоша и Киша центральноевропейские идеи артикулируются иначе, чем у Кундеры. Причины тому, думается, уже географические: в отличие от Кундеры, польский и сербский писатели видят себя не в центре (семиотически маркированном), но на пограничье, что привносит в их тексты рефлексии собственного положения «чужого среди своих». Как замечал в письме Т. Венцлове Ч. Милош, «среди русских я чувствовал себя стопроцентным поляком — но там это невелика премудрость. Другое дело — столкнуться с этнически коренными поляками из “Царства Польского”» [Милош, Венцлова 2001].

Хотя оба автора отождествляют себя с центральноевропейцами, само сочетание «Центральная Европа» возникает только в их текстах 1980-х годов. При этом она явлена отнюдь не как очевидно существующее пространство, наоборот — амбивалентное и балансирующее между существованием и отсутствием: «видеть сегодня единство в этом обширном, разнородном пространстве с его многочисленными национальными культурами и языками в значительной степени значит прибегать к известному упрощению: оно не учитывает различия и подчеркивает сходства (это прямо противоположно тому, чему следуют националисты, которые не замечают сходства и подчеркивают различия)» [Kiš 2012, 126]. Амбивалентность проявляется даже в наименовании: так, у Киша «Центральная Европа» регулярно возникает в кавычках или сопровождается атрибутом «так называемая» [Там же, 125, 131, 132]⁹, Милош, выбирая между наличием и отсутствием, постулирует: «что-то типа Центральной Европы» [Miłosz 1986, 3] существует, но в своей же эссеистике использует иные маркеры: «наша часть Европы» [Милош 2011а, 163], «моя Европа» [Милош 2013, 7], «наша Европа» [Miłosz 1986, 3], «тот уголок Европы, где я вырос и сформировался», «мой уголок Европы» [Милош 2013, 7–8], «моя Центральная или Центрально-Восточная Европа» [Там же, 6]; «страны между Германией и Россией», «вторая Европа» [Там же, 6–7]. Непосредственно «Центральная Европа» возникает только как реакция на дискуссии 1980-х, вдохновленные нашумевшим

⁸ О соотношении этих понятий см. [Миллер 2001, 75–76; Cobel-Tokarska 2013, 181–182; Bilek 2007, 331–332].

⁹ В то же время такие графические и лексические показатели говорят и о восприятии авторами «Центральной Европы» как условной модели, объекта текущих дискуссий.

эссе Кундеры (например, в статье *Central European Attitudes* [Miłosz 1986] и ее польском переводе [Miłosz 1986]), скорее как удобный операционный термин, чем знак собственной идентификации. В разных текстах Милоша, таким образом, реализуются будто две Европы: Центральная («наша», от Дубровника и Праги до Вильно), и Центрально-Восточная, она же «родная», пограничная с Россией. Эту пограничность отмечает, цитируя Милоша, и Кундера, однако лишь в рамках оппозиции Центральной Европы и России: именно на этой «границе Запада» Россия больше, чем где бы то ни было, воспринималась как иная цивилизация [Кундера 1985, 175]. Противопоставления в текстах Милоша, однако, разнообразнее и тоньше: являясь той самой «границей Запада», Вильно и Кресы суть одновременно и Восток («мои корни – там, на востоке, это аксиома» [Милош 2011b, 12]), при этом чужой для России и неведомый на Западе, и целиком не понятый даже на остальной территории Польши. «Я хотел перенести на литературную карту всю нашу восточную неразбериху, не всегда знакомую даже большинству польских читателей», – писал поэт в предисловии к переизданию «Родной Европы» в 2001 г. [Там же, 6–7].

С проблемой существования / несуществования связан еще один тип локализации Центральной Европы – на оси времени. Все три писателя демонстрируют здесь единство, неизбежно обращаясь к прошлому. Центральная Европа как общность опыта, традиций и воспоминаний – если не ушедший, то уходящий исторический феномен. Алармистский текст Кундеры не совпадал с эссе Милоша и Киша стилистически и частично прагматически, однако тексты всех троих имеют схожую тему: центральноевропейская «культурная традиция уходит с исторической сцены» и «ее культурное наследие находится под угрозой полного исчезновения» [Kiš 1989, 779].

Ранее мы заметили, что ось времени намного важнее для Киша, чем ось пространства, а важнейшей для ареала метафорой является «перфект или плюсквамперфект» [Поляков 2021, 397–398]. То же самое можно сказать об эссе Кундеры и Милоша, связывающих центральноевропейское пространство с драматическими изменениями XX в., покушавшимися на самый ее дух: истреблением еврейства, насильными перемещениями народов, распадением уникального единства и т.д. Для Милоша важнейшее здесь – фактическая утрата «родной Европы» и вместе с ней – Речи Посполитой, которая «сохранялась в умах вплоть до Второй мировой войны» [Милош 2011a, 205]. Это стало кульминацией смены границ, сопровождавшей Польшу весь XIX и XX века и считавшейся поэтом одним из ее парадоксов [Miłosz 1995, 16].

Инакомыслящий интеллект как субъект пространства

Не географический, но метафорический и «коллективно-культурный» характер пространства подчеркнул Ч. Милош, дав польскому переводу своей статьи *Central European Attitudes* название «О нашей Европе» [Miłosz 1986]. К кому относится это «наша»? К той группе интеллектуалов, которая отождествила себя с этим пространством и сконструировала его модель; как писал поэт там же, «наверное, ясно, что в этом докладе я нарисовал и свой портрет» [Там же, 10]. Носитель соответствующего кода, участник дискурса о Центральной Европе и есть архетипический центральноевропейец; как заметил много позже словацкий писатель П. Виликовский, «можно всю жизнь прожить в Центральной Европе и не быть центральноевропейцем» [Vilikovský 2022]; центральноевропейство, которое есть «судьба» (Киш), связано с актом осознанной самоидентификации. По Кишу, например, центральноевропейец – это

интеллектуал-книжник, сосредоточивший в себе весь трагический опыт пространства; «Киш переворачивает устоявшееся общественное восприятие: не писатели-диссиденты отстаивают центральноевропейский дискурс, но наоборот: они потому и являются диссидентами, что несут в себе этот дискурс» [Поляков 2021, 405]; само инакомыслие заключается в их центральноевропействе, и наоборот: «Поскольку само осознание принадлежности к центральноевропейской культуре в конечном итоге является инакомыслием, писатель, которого называют центральноевропейским или который определяет себя таким образом, чаще всего живет в изгнании (Милош, Кундера, Шкворецкий) или оказывается маргинализирован и издается в самиздате (Конрад), а то и сидит в тюрьме (Гавел)» [Kiš 2012, 139].

Трагизм фигуры центральноевропейца, однако, не только в крамольности его образа мыслей, но и в том, что для Запада — ближайшего союзника и родственника — он оказывается Другим. Ключевым опытом для центральноевропейца оказывается эмиграция, влекущая его на Запад, который не понимает его: ошибочно локализует, отождествляет с давним стереотипом «загадочной славянской души» или навязывает собственный язык.

Осознание собственной инаковости роднит всех трех писателей. В их текстах регулярно встречаются примеры коммуникативных неудач, которые терпят центральноевропейцы и западноевропейцы, обреченные на взаимное не(до)понимание. Его причины — от разницы во взглядах на марксизм до споров в интерпретации культуры — не имеют значения: главное, что неубедительный результат коммуникации приводит лишь к взаимному отчуждению. Воспроизводятся «типовые» случаи таких коммуникативных неудач: «Представим себе центральноевропейского интеллектуала, встретившего коллег из Западной Европы, Америки и Латинской Америки. Если он долго молчит или в разговоре щадит чувствительность своих собеседников, все идет хорошо. Но стоит ему *начать говорить свободно*, у него возникает впечатление, что они *смотрят на него как на образец иронии и цинизма*» [Miłosz 1986, 6]; упоминаемые Кундерой «французские друзья» слушали lamentации об уничтожении культуры «*снижительно и явно испытывали при этом неловкость*» [Кундера 1995, 186]; центральноевропейский писатель в эссе Киша «*горько усмехается*, когда ему говорят: “Пишите на французском, ведь вы чудесно говорите по-французски!”», ведь они *не знают*, что чудесно говорить и чудесно писать — не одно и то же, *не знают*, что язык писателя — это его судьба, и что любая попытка внешнего вторжения, любое насилие над этой судьбой подобно каким-то тяжелым операциям или мутациям генов, из которых он не выходит целым, не выходит тем же самым» [Kiš 2012, 144] (курсив мой. — Д.П.).

Причины не(до)понятности центральноевропейца — в историческом пренебрежении и снижительно-м отношении Запада к Центральной Европе, «которая — вопреки всему — не является Азией» [Там же, 132]; констатируя этот печальный факт, Киш цитирует писавшего о Венгрии М. Вайду, распространяя сказанное на другие части региона: Европа «*всегда упрямо отказывалась принимать во внимание хотя бы само существование нашего языка, нашей культуры, нашей литературы*”. Это, конечно, в большей или меньшей степени относится ко всем народам и языкам того анклава, который называется Центральной Европой» [Там же, 127]¹⁰. Милош пришел с лекцией в американскую аудиторию

¹⁰ Как мы отмечали ранее, «с этим комплексом “вечного Другого” Киш связывает и радикальный отказ от центральноевропейской идеи, представленный, например, у М. Крлежи, который видел в ней “искусственный трюк” (128). Неприятие Центральной Европы, таким образом, означает

«со стороны белых пятен на карте» [Милош 2013, 19], а задолго до того пытался объяснить западноевропейцам, «в чем заключается феномен происхождения из другой, худшей части Европы» [Gorczyńska (Czarnecka) 1992, 124].

От описания коммуникативных неудач Киш и – в максимальной степени – Кундера переходят к развернутым инвективам, подозревая Запад не только в неумении понять, но и в пренебрежении, невидении: «Выйдя из долгой идеологической спячки, европейский Запад обнаружил, что часть его собственного культурного наследия отсутствует, а из-за утраты обеднел и он сам» [Kiš 2012, 132]. Это созвучно тезисам Кундера и построению его «Трагедии Центральной Европы», обращенному к Западу и транслирующему алармистские идеи безвозвратной потери им собственной части. Ср. у Киша: «Внезапный интерес к так называемой Центральной Европе случился не столько из-за осознания, что некая культура полностью осталась в тени, сколько из-за открытия Западом того, что манихейский раскол между Востоком и Западом привел к исчезновению, словно в тумане, целой части Европы» [Там же, 131] и у Кундера: «Исчезновение очага европейской культуры, безусловно, явилось одним из важнейших событий века для всей западной цивилизации. [...] Как могло случиться, что такое событие прошло незамеченным и осталось безымянным?» [Кундера 1985, 182].

Как видим, за «внезапным открытием» и «обнаружением» навсегда потерянной части Европы, фрагмента *собственной* культуры – не только «долгая идеологическая спячка», но и традиционное невнимание Запада к «варварским зонам (кроме, конечно, Вены)». Большие нации игнорировали их «с высоты своего самодовольства», в то время как там существовали «литература и культура, которые до того времени оставались незамеченными» [Kiš 2012, 132], ср. также [Поляков 2021, 402–403].

Атрибуты пространства: фрагменты центральноевропейского понятийника

Важнейшие компоненты «центральноевропейской семиосферы» выделялись и в эссеистике 1980-х годов, и в более поздних исследованиях. Показателен, например, словарь 50 ключевых понятий Центральной Европы, составленный И. Травничеком. Помимо персоналий, географических объектов, учреждений и блюд, наименования которых мы опустим, он включает в себя следующие понятия-концепты: амбивалентность, барокко, бидермейер, история, добродетельный монарх, эмиграция, пивная, граница, Ялта, кофейни, скелет в шкафу, маленький город, между Россией и Германией, Мюнхен/мюнхенство (*mnichovanství*), ностальгия, «они», сецессия/Югендстиль, центр, евреи [Trávníček 2009, 318–319]. М. Пантич, писавший о «Вариациях» Киша, также составил длинный список явлений, личностей и свойств, характеризующих Центральную Европу: «Кафка, Музиль, Крлежа, Карл Краус, Фрейд, Отто Вейнингер, Костоланы... Психоанализ, сецессион, экспрессионизм, диссидентство, апатридность, билингвизм. Мультикультурность как единая культура. [...] Еврейство, травма идентичности...» [Pantić 2002, 9]. В текстах Кундера, Киша и Милоша элементы «центральноевропейского словаря» возникают в разной форме и порой имеют разное содержание. Отметим основные атрибуты

лишь вынужденный побег от ассоциации с “провинцией, азиатской степью или венским сецессионом” (127), попытку самостоятельной легитимации в общей “виртуальной Европе” [Поляков 2021, 403]; в круглых скобках – номера страниц в тексте «Вариаций» [Kiš 2012].

моделируемого писателями пространства, проявляющиеся в рассмотренных нами текстах.

Неопределимость и нечеткость. Буквальная неопределимость Центральной Европы — один из инвариантных мотивов всех текстов о ней. В этом пространстве не только невозможно выделить единственный центр и очертить четкие границы, как было показано выше, но и затруднительно сформулировать единую идею. Поэтому до наших дней оно трактуется через негацию: проще сказать, чем оно не является, а не наоборот. И это пространство внутренних противоречий, что, например, для Киша — важнейшая черта во все времена существования Центральной Европы. Ялтинская конференция оставила о региональной общности лишь воспоминания, но уже и в XIX в. наднациональному противопоставляли себя локальные национализмы, а центристремительные тенденции уступали центробежным: «различия между национальными культурами этого региона важнее их сходств, антагонизмы важнее сближений и однородности» [Киш 2012, 125–126].

Еще более непонятна Центральная Европа сегодня. Так, например, Вильно Милоша есть «то ли Польша, то ли не Польша, Литва, а может, и не Литва, то ли провинция, то ли столица, хотя прежде всего провинция», город «перемешанных, пересекающихся полос, как Триест и Черновцы» [Милош, Венцлова 2001], что невозможно представить тому, кто не является частью «мира общих воспоминаний» [Кундера 1985, 180].

Мультикультурность. Перемешанность и пересечения, совместное бытие многих народов на одном небольшом пространстве — знаковая черта Центральной Европы. Она обусловила идентичность авторов, она отрефлексирована в большинстве их текстов: вырасти в мультикультурном пространстве «означало не то же самое, что вырасти в местах этнически однородных; даже язык воспринимался иначе» [Милош, Венцлова 2001].

Кундера идеализирует это сосуществование народов, противопоставляя Центральную Европу России: характерный для одной «максимум многообразия при минимуме жизненного пространства» противоположен минимуму многообразия «при максимуме жизненного пространства» в другой [Кундера 1985, 173]. Идеальная модель сосуществования — средневековый Карлов университет, где взаимодействовали разные народы, при этом никто из них не утрачивал родной язык.

«Средоточием духа» и «интеллектуальным цементом» региона в текстах прежде всего Киша и Кундеры провозглашаются центральноевропейские евреи. По Кишу, еврейство — тот компонент Центральной Европы, трагическое исчезновение которого и сделало ее «перфектом», а Вену тотчас превратило в духовную провинцию и (по иронии судьбы) лишь «перевалочный пункт для еврейских беженцев из Советского Союза и стран-сателлитов, остановку на пути в Израиль или Америку» [Киш 2012, 131]. Кундера, напротив, пишет о еврейской адаптивности: это один из малых народов, переживший империи и «выдержавший сокрушительную поступь истории», хотя после Аушвица, возможно, Центральная Европа и лишилась своей души [Кундера 1985, 180, 186]. Киш и здесь видит центральноевропейскую амбивалентность, причем в трагической форме: именно в Австро-Венгрии, где роль еврейства была так велика, зародился и развился антисемитизм. Основным носителем центральноевропейской травмы, тем самым, являются именно евреи, испытывавшие давление сначала антисемитизма, а потом и фашизма. Как писала позже С. Зонтаг, «Кишу достался для жизни отрезок времени, на котором с начала до конца соревновалось

наихудшее, что имел предложить его части Европы двадцатый век: нацистская оккупация, геноцид евреев, а затем советское нашествие» [Зонтаг 1995].

Опыт еврейско-польского соседства со всеми его сложностями и хитросплетениями – важная составляющая и «регионального дискурса» в эссеистике Ч. Милоша, взрослого в мультикультурном Вильно, которое европейские евреи называли «северным Иерусалимом и по праву видели в нем столицу своей культуры» [Милош 2011b, 88], полностью уничтоженную во время Второй мировой войны [Милош 2011a, 212; Милош, Венцлова 2001].

Недоверие к Истории. Центральная Европа позиционируется в дискурсе о ней как важнейшее пространство европейской трагедии XX в. – с двумя мировыми войнами, Холокостом и последующим разделением единого культурного целого на два враждующих лагеря, «Восток» и «Запад». Борьба малых наций «между Германией и Россией» за сохранение собственной цивилизации означает, следовательно, борьбу с самой Историей.

Наиболее емко эту концепцию формулирует Кундера, противопоставляя центральноевропейскому прошлому агрессивное настоящее: «Центральная Европа должна противостоять не только сильному агрессивному соседу, но и безжалостному дуновению времени, уносящему с собой эру культуры. Вот почему в центральноевропейских восстаниях есть нечто консервативное, почти анахроничное. Они отчаянно пытаются вернуть прошлое – прошлое культуры, прошлое современной эры. Ведь только в такую эпоху, только в мире, сохраняющем культурное измерение, Центральная Европа может защитить свою сущность, быть в глазах любимых тем, чем она действительно является» [Кундера 1985, 186–187].

Фокус внимания в текстах по-прежнему на разных территориях. У Милоша это концептуализация Вильно как «утраченного города» из-за исхода поляков с территорий Кресов [Милош 2011a, 205], а Центрально-Восточная Европа – место «необычайных и смертоносных событий, сравнимых, пожалуй, лишь с внезапными землетрясениями» [Милош 2013, 8]; любой происходящий отсюда неизбежно испытывает «исторические трудности» [Gorczyńska (Czarnecka) 1992, 124]. Милош акцентирует и выводимые из травматического опыта народов художественные параллели «между центральноевропейской и еврейской литературами, поскольку обе они питались “коллективной памятью и ощущением опасности”» [Miłosz 1986, 4; Stobiecki 2020, 291].

Культуроцентризм. Для всех трех авторов Центральная Европа синонимична культуре и коллективной памяти, противопоставленной Истории. Идентификация этого ментального пространства производится через отсылки к важнейшим культурным феноменам или олицетворяющим его персоналиям. Это закономерно, если вспомнить, что архетипическим центральноевропейцем признается именно интеллектуал-книжник; в «канон» пространства писатели сами заносят как друг друга (и других адептов дискурса о Центральной Европе 1980-х годов, например, венгра Д. Конрада или словенца Д. Янчара), так и классиков XX в. (Кафку, Гашека, Музиля, Броха, Виткевича) [Кундера 1985, 178–181; Miłosz 1986, 9; Kiš 2012, 126].

Отождествление пространства с культурой у Кундеры напрямую связано с его концепцией малых наций и стран, сформулированной еще в упомянутом выше «поставгустовском» тексте 1968 г. «Чешская участь». Поскольку само существование малого народа ежедневно оказывается под вопросом, он вынужден создавать культурные ценности, это для него жизненно важно, «и это, наверное, причина, почему творчество (культурное, а также и экономическое)

у малых народов (начиная, видимо, уже с древних греческих городов) настолько интенсивнее, чем в больших империях» [Kundera 1968, 1]. Посредством культуры малая нация ведет борьбу за свое существование, а в конечном счете оказывается и хранителем общеевропейской культуры. Эссе 1980-х годов продолжают эту линию: гибнущая Центральная Европа есть гибнущая – но еще существующая – культура всей Европы. На современном Западе она уже стала фактом прошлого, как литературные журналы уступили там место телевидению: «европейская идентичность становится образом, который удаляется в прошлое» [Kundera 2013b, 173].

Поэтому важно было сформулировать эстетический канон этого пространства культуры (что имело и утилитарные цели – познакомить западную публику с выдающимися центральноевропейцами, не все из которых были хорошо известны за пределами своего региона). Кундера последовательно, во многих эссе, пишет о центральноевропейских модернистах – писателях и композиторах (Барток, Яначек, Гашек, Кафка, Гомбрович), Киш перечисляет в «Вариациях» интеллектуалов, центральноевропейство которых обусловлено уже происхождением и биографией – например, Карла Поппера или Артура Кестлера (подробнее см. [Поляков 2021, 404]).

Объединение пространства достигается именно через культуру. Это то, что связывает образование «с неопределенными и зыбкими границами» в одно целое, превращает его в «некое культурное единство» [Kundera 2013b, 173]. Кундера противопоставлял центральноевропейский модус бытия (рациональность, но и барочный мистицизм, и гротеск) русскому (возведенному в абсолют чувству) [Kundera 1985], а модернизм, фактически уравнивая его с центральноевропейской поэтикой, – и идеологически заряженному авангарду, и «гиперчувствительному» сентиментализму [Поляков 2022, 289–295]. Киш, в отличие от Кундеры, решительно расширяет список важнейших культурных феноменов, он вычленяет важнейший фактор, объединяющий центральноевропейских авторов на уровне поэтики – *«имманентное присутствие культуры»* – в форме аллюзий, реминисценций и цитат из всеобщего европейского сада, осознание труда, которое, тем не менее, оставляет при нем спонтанность, равновесие канатоходца между ироничным пафосом и лирическими отступлениями. Это не многое. Это – всё» [Kiš 2012, 138–139].

Заключение

Рассматривая Центральную Европу как модель пространства, сконструированную в дискурсе 1980-х годов, мы реконструировали способы ее идентификации на географической и хронологической осях через специального субъекта – носителя ее основных свойств и с помощью ряда атрибутов. Ключевые черты Центральной Европы в интерпретации М. Кундеры, Ч. Милоша и Д. Киша схожие – это неопределимость и амбивалентность, уходящая мультикультурность, недоверие к Истории и культуроцентризм – попытка противостоять Истории с помощью культуры и памяти.

Неизменная для эссеистического жанра фиксация собственного территориального и культурного (в том числе и травматического) опыта, а порой и его абсолютизация, оказывают влияние на свойства моделируемой в текстах Центральной Европы, на понимание границ и центра пространства. Для Кундеры – в духе его «историко-политической» трактовки ареала – это Чехия/Чехословакия, Польша и Венгрия, для Милоша – Кресы и Вильно – город, ставший «формой духовной жизни» [Милош, Венцлова 2001]. Киш включает

в Центральную Европу и части Южной Славии, внимание к культурам и опыту которой также закономерно связано с его происхождением.

Субъект конструируемого писателями пространства — интеллеktуал, эмигрант, инакомыслящий. Это еще более лишает Центральную Европу как порождение дискурса привязки к географии, подчеркивает ее имажинарную, «мифическую» основу. Пространство может отождествляться с субъектом, исторические травмы всей территории репрезентируются травмами носителя центральноевропейской идеи: непонятость на Западе, «другой», вторичный и невидимый мир, «другая» Европа. Опыт непонятости сочетается у центральноевропейца с вызванной изгнанием утратой идентичности и вместе с тем распадом единой культуры ареала. Хронологическая идентификация в текстах в целом более однозначна, чем пространственная: Центральная Европа есть прошлое, а обязательные ее атрибуты — мультикультурность, многоязычие, сосуществование малых народов (в том числе евреев) полностью или частично утрачены, поскольку именно Центральная Европа стала центром исторической драмы XX в. — Холокоста, немецкой, а затем и советской оккупации.

Тексты Кундеры, Милоша и Киша 1980-х годов обладают чертами взаимной корреспонденции, при этом, несмотря на всю схожесть коммуникативной ситуации, имеют разный прагматический заряд. В отличие от полемически заряженных и политически максимально ангажированных эссе Кундеры, тексты Милоша и Киша, в те же 1980-е годы отвечавших чешскому коллеге (отсюда их скорее «реактивный» характер), представляют собой попытку исследовать и осмыслить феномен центральноевропейского, «другую», «вторую» Европу. Обращение писателей к Центральной Европе, хотя и состоялось в одно время, в одинаковых условиях, по одинаковым причинам, имело разные корни. Каждый из писателей уже ранее обращался к пространственным кодам. Кундера наследует чешской традиции «мифологизации Центра» [Масура 1993; Масура 1997] (с 1980-х — через радикальное отталкивание от всего российского и создание регионального культурного канона), а Милош и Киш непременно идентифицируют себя с пограничьем, что связано с их собственным опытом взросления и формирования в соответствующей среде. Для Милоша «Центральная Европа» 1980-х — скорее операционный термин, более далекий от его собственной географии, чем «наша/моя Европа», «Восточно-Центральная Европа» или «мой уголок Европы» — зона пограничья, рефлекслируемая им в текстах еще с 1950-х годов. Киш, в свою очередь, актуализирует неоднородность Центральной Европы как давнего центра противоречий, приведших к катафре XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дубин Б. Европа — «виртуальная» и «другая». Глобальное и локальное в идентификации восточноевропейских интеллеktуалов после Второй мировой войны // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 4 (60). С. 49–59.
- Зонтаг С. Данило Киш. Предисловие к сборнику эссе и интервью Данило Киша «Homo Poeticus» (New York, 1995) // Две статьи о Данило Кише / пер. с англ. Б. Дубина // Text only. 2006. № 6 (20). URL: <http://textonly.ru/case/?issue=20&article=14962> (дата обращения: 29.09.2022).
- Кундера М. Трагедия Центральной Европы // Проблемы Восточной Европы. 1985. № 11–12. С. 170–191.
- Кундера М. Занавес / пер. с франц. А. Смирновой. СПб.: Азбука-классика, 2010. 240 с.
- Кундера М. Встреча / пер. с франц. А. Смирновой. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013а. 224 с.
- Кундера М. Искусство романа / пер. с франц. А. Смирновой. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013б. 224 с.
- Миллер А.И. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Новое литературное обозрение. 2001. № 6. С. 75–96.

- Милош Ч. Поиск отчизны / пер. с польск. А. Нехая. СПб.: Европейский Дом, 2011а. 232 с.
- Милош Ч. Родная Европа / пер. с польск. К. Старосельской, Б. Дубина, Ю. Чеснокова, В. Ладогина. М.; Wrocław: Летний сад; Коллегиум Восточной Европы им. Яна Новака, 2011б. 280 с.
- Милош Ч. Свидетельство поэзии: шесть лекций о недугах нашего века / пер. с польск. А. Ройтмана. М.: Центр книги Рудомино, 2013. 160 с.
- Милош Ч., Венцлова Т. Вильнюс как форма духовной жизни / пер. с польск. А. Израилевич // Старое литературное обозрение. 2001. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/slo/2001/1/vilnyus-kak-forma-duhovnoj-zhizni.html> (дата обращения: 29.09.2022)
- Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова, предисл. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
- Поляков Д.К. «Вариации на центральноевропейские темы» Данило Киша как опыт конструирования пространства // На перекрестках Востока и Запада: проблемы пограничья в русской и центральноевропейских культурах / отв. ред. Н.В. Злыднева, Ж. Хетени. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 391–411.
- Поляков Д.К. Достоевский или достоевщина? «Загадочная русская душа», сентиментальность и антисентиментальность по Милану Кундере // Эмоциональное и рациональное в славянских литературах и искусстве / под ред. Н.М. Куренной и Д.К. Полякова. М.: Институт славяноведения РАН, 2022. С. 279–297.
- Стобецкий Р. Центрально-Восточная Европа в польском публичном дискурсе вчера и сегодня // Славяноведение. 2019. № 3. С. 56–67.
- Глостанова М.В. Постсоветская литература и эстетика транскulturации. Жить никогда, писать ниоткуда. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 416 с.
- Трѣбст Ш. «Восток – это другие!»: Центральная Европа как эксклюзивистский концепт // Славяне и Центральная Европа: языки, история, культура / отв. ред. Е.Н. Ковтун, С.С. Скорвид, Д.К. Поляков, К.Н. Цимбаев. М.: Полимедиа, 2015.
- Ash T.G. Adversity. Essays on the Fate of Central Europe. New York: Random House, 1989. 337 p.
- Bílek P. Constructing the Paradoxical Middle: Conceptualisations of Central Europe Explored in the 1980s Essayistic Debates // Krajina bez vlastností: Literatura a Střední Evropa / Landschaft ohne Eigenschaften: Literatur und Mitteleuropa / ed. P. Bílek, T. Dimter. Praha: Gutenberg, 2007. S. 330–344.
- Brodacka M. W lustrze literatury – czesko-polski mit środkowoeuropejski i jego przeobrażenia // Konteksty kultury. 2019. Z. 2. S. 181–206.
- Brix E., Busek E. Mitteleuropa revisited: Warum Europas Zukunft in Mitteleuropa entschieden wird. Wien: Kremayr und Scheriau, 2018. 224 S.
- Cobel-Tokarska M. Europa Środkowa: dawne i nowe znaczenia // Krótkie wykłady z socjologii. Kategorie, problemy, subdyscypliny / red. E. Tarkowska, A. Firkowska-Mankiewicz, T. Kanasz. Warszawa: Wydawnictwo Akademii Pedagogiki Specjalnej, 2013. S. 172–192.
- Gorczyńska R. (Czarnecka E.). Podróżny świata. Rozmowy z Czesławem Miłoszem. Komentarze. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1992. 365 s.
- Grigorova M. Polskie doświadczenie historyczne a słowiańska perspektywa literacka Europy Środkowo-Wschodniej (Czesław Miłosz, Milan Kundera, Danilo Kiš) // Zeszyty Cyrylo-Methodiańskie. 2020. S. 36–57.
- Dhand O. The Idea of Central Europe: Geopolitics, Culture and Regional Identity. London: I.B. Tauris, 2018. 288 p.
- Janiec-Nyitrai A., Nyitrai Z. Vrhát dvojité stín. Středoevropanství jako osud v románech Milana Kundery. Esztergom: Nadace svatého Vojtěcha pro výzkum střední a východní Evropy, 2017. 258 s.
- [Kiš D.] «Ich glaube nicht an die Phantasie des Schriftstellers». Adalbert Reif im Gespräch mit Danilo Kiš in Paris // Universitas. 1989. No. 8. S. 779–788.
- Kiš D. Poslednje pribežiste zdravog razuma (eseji). Beograd: Arhipelag, 2012. 264 s.
- Kubíček T. Středoevropa Milan Kundera. Olomouc: Periplum, 2013. 138 s.
- Kundera M. Český úděl // Listy. 1968. 19.12. S. 1, 5.
- Kundera M. Un occident kidnappé, ou la tragédie de l'Europe Centrale // Le Débat, 1983. 27.11. P. 3–23.
- Kundera M. An Introduction to a Variation // The New York Times Book Review. 1985. 06.01. P. 1.
- Labov J. Transatlantic Central Europe: Contesting Geography and Redefining Culture. Budapest; New York: Central European University Press, 2019. 214 p.
- Macura V. Zápas o střed // Macura V. Masarykovy boty a jiné semi(o)fejetony. Praha: Pražská imaginace, 1993. S. 8–10.

- Macura V. *Sémiotika Evropy // Evropa očima Čechů* / ed. E. Hahnová. Praha: Nakladatelství Franze Kafky, 1997. S. 9–24.
- Milosz Cz. *Central European Attitudes // Cross Currents*. No. 1. P. 101–108.
- Miłosz Cz. *O naszej Europie // Kultura: Szkice – Opowiadania – Sprawozdania*. 1986. No. 4/463. S. 3–12.
- Miłosz Cz. *Polskie kontrasty*. Wykład z okazji otwarcia 25. Szkoły letniej kultury i języka polskiego Uniwersytetu Jagiellońskiego w lipcu 1994 r. Kraków: UNIVERSITAS, 1995. 32 s.
- Pantić M. *Varijacije na temu Danilo Kiš i Srednja Evropa // Polja*. 2002. Br. 419. S. 8–11.
- Rybicka E. *Literatura, geografia: wspólne terytoria // Od poetyki przestrzeni do geopoeetyki* / red. E. Konończuk, E. Sidoruk. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2012. S. 11–25.
- Stobiecki R. *Europa Środkowa / Europa Środkowo-Wschodnia z perspektywy historii wyobrażonej*. Między historią, geografą a literaturą // *Dzieje najnowsze*. 2020. No. 1. S. 274–300.
- Todorova M. *Imagining the Balkans*. Oxford et al., 1997. Updated Edition. Oxford et al.: Oxford University Press, 2009. 288 p.
- Understanding Central Europe* / ed. by M. Moskalewicz, W. Przybylski. London; New York: Routledge, 2018. 610 p.
- V kleštích dějin: Střední Evropa jako pojem a problém* / ed. J. Trávníček. Brno: Host, 2009. 343 s.
- Vilikovský P. *Všetko, čo viem o stredoEurópanstve*. URL: https://www.visegradliterature.net/works/sk/Vilikovsky%C3%BD%2C_Pavel-1941/V%C5%A1etko%2C_%C4%8Do_viem_o_stredoEur%C3%B3panstve (дата обращения: 15.10.2022).
- Zelenka M. *Střední Evropa v souvislostech literární a symbolické geografie*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, 2008. 182 s.

Рукопись поступила в редакцию 31.10.2022

Рукопись принята к печати 31.10.2022

REFERENCES

- Ash T.G. *Adversity. Essays on the Fate of Central Europe*. New York, Random House Publ., 1989, 337 p.
- Bílek P. *Constructing the Paradoxical Middle: Conceptualisations of Central Europe Explored in the 1980s Essayistic Debates. Krajina bez vlastností: Literatura a Střední Evropa, Landschaft ohne Eigenschaften: Literatur und Mitteleuropa*, ed. P. Bílek, T. Dimter. Praha, Gutenberg, 2007, pp. 330–344.
- Brix E., Busek E. *Mitteleuropa revisited: Warum Europas Zukunft in Mitteleuropa entschieden wird*. Wien, Kremayr und Scheriau Publ., 2018, 224 p.
- Brodacka M. *W lustrze literatury – czesko-polski mit środkowoeuropejski i jego przeobrażenia. Konteksty kultury*, 2019, z. 2, pp. 181–206. (In Pol.)
- Cobel-Tokarska M. *Europa Środkowa: dawne i nowe znaczenia. Krótkie wykłady z socjologii. Kategorie, problemy, subdyscypliny*, red. E. Tarkowska, A. Firkowska-Mankiewicz, T. Kanasz. Warszawa, Wydawnictwo Akademii Pedagogiki Specjalnej Publ., 2013, pp. 172–192. (In Pol.)
- Dhand O. *The Idea of Central Europe: Geopolitics, Culture and Regional Identity*. London, I.B. Tauris, 2018, 288 p.
- Dubin B. *Jevropa – «virtual'naia» i «drugaia»*. Global'noje i lokal'noje v identifikatsii vostochnoevropeskikh intellektualov posle Vtoroi mirovoi voiny. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny*. 2002. № 4 (60), pp. 49–59. (In Russ.)
- Gorczyńska R. (Czarnecka E.). *Podrózny świata. Rozmowy z Czesławem Miłoszem. Komentarze*. Kraków, Wydawnictwo Literackie Publ., 1992, 365 p. (In Pol.)
- Grigorova M. *Polskie doświadczenie historyczne a słowiańska perspektywa literacka Europy Środkowo-Wschodniej (Czesław Miłosz, Milan Kundera, Danilo Kiš)*. *Zeszyty Cyrylo-Metodiańskie*, 2020, pp. 36–57. (In Pol.)
- Janiec-Nyitrai A., Nyitrai Z. *Vrhat dvojité stín. Středoevropanství jako osud v románech Milana Kundery*. Esztergom: Nadace svatého Vojtěcha pro výzkum střední a východní Evropy, 2017, 258 p. (In Czech)
- [Kiš D.] «Ich glaube nicht an die Phantasie des Schriftstellers». Adalbert Reif im Gespräch mit Danilo Kiš in Paris. *Universitas*, 1989, no. 8, pp. 779–788. (In German)
- Kiš D. *Poslednje pribežiste zdravog razuma (eseji)*. Beograd, Arhipelag Publ., 2012, 264 p. (In Serb.)
- Kubiček T. *Středoevropan Milan Kundera*. Olomouc, Periplum Publ., 2013, 138 p. (In Czech)
- Kundera M. *Iskusstvo romana*, per. s fr. A. Smirnovoi. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2013b, 224 p. (In Russ.)
- Kundera M. *Tragediia Tsentral'noi Jevropy. Problemy Vostochnoi Jevropy*, 1985, no. 11–12, pp. 170–191. (In Russ.)

- Kundera M. *Vstrecha*, per. s fr. A. Smirnovoi. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2013a, 224 p. (In Russ.)
- Kundera M. *Zanaves*, per. s fr. A. Smirnovoi. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ, 2010, 240 p. (In Russ.)
- Kundera M. An Introduction to a Variation. *The New York Times Book Review*. 1985. 06.01. P. 1.
- Kundera M. Český úděl. *Listy*, 1968, 19.12, p. 1, 5. (In Czech)
- Kundera M. Un occident kidnappé, ou la tragédie de l'Europe Centrale. *Le Débat*, 27 November 1983, pp. 3–23.
- Labov J. *Transatlantic Central Europe: Contesting Geography and Redefining Culture*. Budapest; New York, Central European University Press Publ., 2019, 214 p.
- Macura V. Sémiotika Evropy. *Evropa očima Čechů*, ed. E. Hahnová. Praha, Nakladatelství Franze Kafky Publ., 1997, pp. 9–24. (In Czech)
- Macura V. Zápas o střed. *Macura V. Masarykovy boty a jiné semi(o)fejetony*. Praha, Pražská imaginace Publ., 1993, pp. 8–10. (In Czech)
- Miller A.I. Tema Tsentral'noi Jevropy: istoriia, sovremennye diskursy i mesto v nikh Rossii. *Novoje literaturnoje obozrenije*, 2001, no. 6, pp. 75–96. (In Russ.)
- Miłosz Cz. Central European Attitudes. *Cross Currents*, 1986, no. 1, pp. 101–108.
- Miłosz Cz. *Polskie kontrasty. Wykład z okazji otwarcia 25. Szkoły letniej kultury i języka polskiego Uniwersytetu Jagiellońskiego w lipcu 1994 r.* Kraków, UNIVERSITAS Publ., 1995, 32 p. (In Pol.)
- Miłosz Cz. *Rodnaia Jevropa*, per. s pol'sk. K. Starosel'skoi, B. Dubina, Iu. Chesnokova, V. Ladogina. Moscow; Vroslav, Letni sad Publ.; Kollegium Vostochnoi Jevropy im. Iana Novaka Publ., 2011b, 280 p. (In Russ.)
- Miłosz Cz. *Poisk otchizny*, per. s pol'sk. A. Nekhaia. St. Petersburg, Jevropeiskii Dom Publ., 2011a, 232 p. (In Russ.)
- Miłosz Cz. *Svidetel'stvo poezii: shest' lektii o nedugakh nashego veka*, per. s pol'sk. A. Roitmana. Moscow, Tsentr knigi Rudomino Publ., 2013, 160 p. (In Russ.)
- Miłosz Cz., Venclova T. *Vil'nus kak forma dukhovnoi zhizni*, per. s pol'sk. A. Izrailevich. *Staroje literaturnoje obozrenije*, 2001, no. 2. URL: <https://magazines.gorky.media/slo/2001/1/vilnyus-kak-forma-duhovnoj-zhizni.html> (accesed: 29.09.2022) (In Russ.)
- Miłosz Cz. O naszej Europie. *Kultura: Szkice – Opowiadania – Sprawozdania*, 1986, no. 4/463, pp. 3–12. (In Pol.)
- Neumann I. *Ispol'zovanie «Drugogo»: Obrazy Vostoka v formirovanii jevropejskikh identichnostei*, per. s angl. V.B Litvinova i I.A. Pil'shchikova, predisl. A.I. Millera. Moscow, Novoje izdatel'stvo Publ., 2004. 336 s. (In Russ.)
- Pantić M. Varijacije na temu Danilo Kiš i Srednja Evropa. *Polja*, 2002, br. 419, pp. 8–11. (In Serb.)
- Polyakov D.K. Dostojevskii ili dostojevshchina? «Zagadochnaia russkaia duša», sentimental'nost' i antisentimental'nost' po Milanu Kundere. *Emotsional'noje i ratsional'noje v slavianskikh literaturakh i iskusstve*, pod red. N.M. Kurennoi i D.K. Poliakova. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN, 2022, pp. 279–297. (In Russ.)
- Polyakov D.K. «Variatsii na tsentral'nojevropejskije teme» Danilo Kisha kak opyt konstruirovaniia prostranstva. *Na perekrestkakh Vostoka i Zapada: problemy pogranič'ia v russkoi i tsentral'nojevropejskikh kul'turakh*, otv. red. N.V. Zlydneva, Zh. Kheteni. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN, 2021, pp. 391–411. (In Russ.)
- Rybicka E. Literatura, geografia: wspólne terytoria. *Od poetyki przestrzeni do geopolityki*, red. E. Konończuk, E. Sidoruk. Białystok, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku Publ., 2012, pp. 11–25. (In Pol.)
- Sontag S. Danilo Kish. Predisloviye k sborniku esse i interv'iu Danilo Kisha «Homo Poeticus» (New York, 1995). *Dve stat'ji o Danilo Kishe*, per. s angl. B. Dubina // Text only. 2006. № 6 (20). URL: <http://text-only.ru/case/?issue=20&article=14962> (data obrashcheniia: 29.09.2022). (In Russ.)
- Stobiecki R. Europa Środkowo-Wschodnia z perspektywy historii wyobrażonej. Między historią, geografią a literaturą. *Dzieje najnowsze*, 2020, no. 1, pp. 274–300. (In Pol.)
- Stobiecki R. Tsentral'no-Vostochnaia Jevropa v pol'skom publichnom diskurse vchera i segodnia. *Slaviano-vedeniye*, 2019, no. 3, pp. 56–67. (In Russ.)
- Tlostanova M.V. *Postsovetskaia literatura i estetika transkul'turatsii. Zhit' nikogda, pisat' niotkuda*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004, 416 p. (In Russ.)
- Todorova M. *Imagining the Balkans*. Oxford et al., 1997. Updated Edition. Oxford et al.: Oxford University Press Publ., 2009. 288 p.
- Tröbst S. «Vostok – eto drugije!»: Tsentral'naia Jevropa kak ekskluzionistskii kontsept. *Slaviane i Tsentral'naia Jevropa: iazyki, istoriia, kul'tura*, otv. red. Je.N. Kovtun, S.S. Skorvid, D.K. Poliakov, K.N. Tsimbajev. Moscow, Polimedia Publ., 2015. (In Russ.)

- Understanding Central Europe, ed. by M. Moskalewicz, W. Przybylski. London; New York, Routledge Publ., 2018. 610 p.
- V kleštích dějin: Střední Evropa jako pojem a problém*, ed. J. Trávníček. Brno, Host Publ., 2009, 343 p. (In Czech)
- Vilikovský P. *Všetko, čo viem o stredoeurópanstve*. URL: https://www.visegradliterature.net/works/sk/Vilikovsk%C3%BD%2C_Pavel-1941/V%C5%A1etko%2C_%C4%8Do_viem_o_stredoeur%C3%B3panstve (accessed: 15.10.2022). (In Slovak)
- Zelenka M. *Střední Evropa v souvislostech literární a symbolické geografie*. Nitra, Univerzita Konštantína Filozofa Publ., 2008, 182 p. (In Czech)

Received on 31.10.2022

Accepted on 30.11.2022

Информация об авторе:

Поляков Дмитрий Кириллович
кандидат филологических наук,
научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-5220-2841
E-mail: vbnz2005@yandex.ru.

Information about the author:

Dmitry K. Polyakov
PhD (Philology), Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-5220-2841.
E-mail: vbnz2005@yandex.ru.